

*А. Н. Муравьев***К ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОМУ ПОНЯТИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

В связи с семидесятой годовщиной Победы в Великой Отечественной войне в статье рассматривается противоречие между представлением о вечном мире И. Канта и представлением И. Г. Фихте об истинной войне как войне завоевательной. Показывается, что противоречие этих представлений выступило теоретической предпосылкой для его разрешения в философско-правовом понятии войны Г. В. Ф. Гегелем. Достижения классической немецкой философии, относящиеся к понятию войны и понятию Отечества, дают возможность автору статьи определить характер наших отечественных войн 1812 и 1941–1945 гг. и ответить на вопрос о той конечной цели, ради которой мы победили в них наших противников. Библиогр. 10 назв.

Ключевые слова: вечный мир, война, мировая история, философское образование.

*A. N. Muravyov***TOWARDS THE CONCEPT OF PATRIOTIC WAR AS THE CONCEPT OF THE PHILOSOPHY OF LAW**

The article regards the contradiction between Kant's conception of eternal peace and Fichte's conception of just war as a that of aggression in connection with the 70th anniversary of the Victory in the Great patriotic War. The author shows that this contradiction was resolved in the concept of war represented in Hegel's philosophy of law. The achievements of German classical philosophy, its analysis of the concepts of war and fatherland give us the opportunity to define the character of our patriotic wars. Also they give us an opportunity to answer the question about the ultimate goal, for whose sake we have defeated our enemies. Refs 10.

Keywords: eternal peace, war, world history, philosophical education.

Семидесятая годовщина нашей Победы в Великой Отечественной войне дает отличный предлог рассмотреть противоречие между представлением о вечном мире И. Канта и представлением об истинной войне как войне завоевательной, которое высказал И. Г. Фихте. Обратиться к этому противоречию необходимо потому, что оно выступило теоретической предпосылкой для его логического разрешения в философско-правовом понятии войны Г. В. Ф. Гегелем. Гегелевское решение важно для нас тем, что оно ведет к пониманию действительного значения войн в мировой истории вообще, и особенно в истории русского народа и других народов России, позволяя ответить на два вопроса: 1) Какой характер имели наши отечественные войны и почему они были названы именно так? 2) Ради чего мы победили не только двести с лишним, но и ровно семьдесят лет назад, положив на алтарь Победы около тридцати миллионов жертв?

В трактате «К вечному миру. Философский проект» Кант утверждает, что гарантией вечного мира между народами является единая разумная природа всех вещей, в том числе и того класса животных, к которому он относит человеческий

Муравьев Андрей Николаевич — кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; muravyovan@yandex.ru

Muravyov Andrey N. — PhD, Associate Professor, Saint Petersburg State University, 7–9 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; muravyovan@yandex. ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

род. Эта мудрая природа, по Канту, в своем механическом процессе обнаруживает для разума философа имманентную целесообразность, или внутреннюю цель, в итоге реализации которой естественный ход исторических событий непременно принудит государства к вечному миру, ибо воли людей под давлением разногласий, вызывающих войны между ними, свободно придут к полному согласию. В том, что разум, действующий в истории человечества естественным (бессознательным) образом, посредством войн расселяет людей по всему миру, вытесняя их даже туда, где они могут жить лишь с большим трудом, и вынуждает их вступать во все более законные отношения, мыслитель усматривает историческую роль войны в развитии человечества.

Если даже внутренние раздоры не принудят народ подчиниться публичным законам, — утверждает Кант, — то война извне все же сделает это, потому что, согласно вышеупомянутому установлению природы, каждый народ находит в соседстве с собою теснящий его другой народ, против которого он вынужден внутренне организовать *в государство*, чтобы как *держава* быть способным у отпору [1, с. 32].

Когда война выполнит эту необходимую роль, тогда с той же необходимостью между государствами будет заключен договор о вечном мире. Завершая изложение своего философского проекта, Кант замечает, что нельзя не только ожидать, но и желать, чтобы государи философствовали или философы правили государствами, так как из-за человеческих слабостей, которые нельзя одолеть, «обладание властью неизбежно искажает суждение разума» [1, с. 37]. Достаточно лишь обязать государства, вооружившиеся для войны, учитывать то, что философы публично говорят об условиях возможности всеобщего мира, ибо эта обязанность внесет разумную ясность в деятельность правителей.

Фихте, развивая в «Основных чертах современной эпохи» мысль Канта и одновременно возражая ему, выдвигает положение, согласно которому движущей причиной мирового исторического процесса выступает абсолютная противоположность единого разума и неразумия тех многообразных природных условий, с которыми вынуждены мириться дикие племена. Поскольку внешняя необходимость этих условий препятствует осуществлению конечной цели истории человечества, заключающейся в том, чтобы свободно преобразовать все человеческие отношения в соответствии с единым разумом, постольку все дикое и варварское вне людей и в них самих должно быть уничтожено, искоренено культурой в процессе мировой истории путем самоотверженной борьбы разумных существ с дикостью и варварством. Такое представление об истории мира побуждает Фихте признать истинной войной именно войну завоевательную, если только она служит средством культурного подъема народа завоеванного государства.

Государство <...> рассматривает себя как замкнутое царство культуры и в качестве такового находится в естественной войне против отсутствия культуры (*Unkultur*), — утверждает мыслитель. — Пока человечество еще односторонне образуется из себя в различных государствах, следует ожидать, что каждое особенное государство будет держать свою собственную культуру за правую и единственную, остальные же государства считать как раз отсутствием культуры, а обитателей их — варварами и потому полагать своим призванием порабощение последних. Вот почему было так много данных для войны

<...>, причем войны именно в истинном и собственном смысле, войны завоевательной [2, S. 254; ср.: 3, с. 537–538].

На основании этого положения Фихте разворачивает свой план национального воспитания немецкого народа в «Речах к немецкой нации». В них он говорит о том, что именно благодаря французскому завоеванию, уничтожившему вместе с политической самостоятельностью немецких государств эгоизм, до той поры свойственный большинству немцев, этот народ получил возможность встать на вершину мировой культуры, воспитав себя в действительную нацию на основе философской науки. Излагая этот план, Фихте формулирует философское понятие отечества, ибо действительная нация есть для него не что иное, как особенный народ в своем высшем, или всеобщем духовном, развитии — в своей истине, или в своем отечестве. Философ именно потому строго различает в «Речах» значение слов *родина* (das Mutterland) и *отечество* (das Vaterland), что определяет отечество как реализованное народом понятие нации, как

народ в высшем значении слова, с точки зрения взгляда на духовный мир вообще: целое продолжающих жить друг с другом в обществе и всегда продолжающих природно и духовно производить себя из себя самих людей, которое без всякого исключения находится под действием одного известного особенного закона развития божественного из него. <...> Этот (познанный философской наукой. — А. М.) закон <...> совершенно определяет и вполне заканчивает то, что называли национальным характером народа [4, S. 667–668; ср.: 5, с. 193–194].

В своей научной форме философия, оставаясь конечной целью постоянных занятий немногих, становится средством национального воспитания народа и тем самым — основанием действительно бесконечного развития человеческого рода, поскольку единство этого рода выступает в виде необходимых различий между народами. Как основание и высший результат этого воспитания философская наука выступает предметом национального интереса и значения. Такой статус навсегда закрепляется за ней потому, что она одна несет в себе реальную возможность не ограниченного никакой конечной мерой развития разумности всех без исключения дочерей и сыновей матери-родины, посредством воспитания содействуя их становлению настоящими патриотами — действительно совершенными, т. е. поистине религиозными, гражданами своего земного отечества.

Кто прежде не узрит себя как вечного, тот вообще не имеет никакой любви и не может также любить отечество, ибо никакого отечества для него нет. Кто же, хотя и зрит как вечную свою незримую, но как раз поэтому не свою зримую жизнь, тот может, пожалуй, иметь некое небо и на нем — свое отечество, но на земле он никакого отечества не имеет, ибо и отечество зримо только под образом вечности, причем именно зримой, чувствуемой вечности, а потому он тоже не может любить свое отечество, — убежден Фихте. — Если кто-то не унаследовал такового, то его нужно пожалеть; кто же унаследовал единое, в чьей душе небо и земля, зримое и незримое преисполнились друг другом, тем самым впервые создав истинное и самородное небо, тот до последней капли крови борется за то, чтобы в свою очередь передать грядущему времени драгоценное владение неурезанным [4, S. 669; ср.: 5, с. 196].

Таким образом, у народа, согласно Фихте, изначально есть только родина-мать, и лишь в результате развития он обретает отечество, ибо нация выступает внутренней целью стихийного исторического развития народа, реализуемой в результате сознательно направляемого философией процесса воспитания его национального характера.

Гегель, знавший, конечно, как Кант трактовал мир и войну, а Фихте — войну и отечество, разрешает противоречие между фиксированной Кантом формальной всеобщностью права народа на мирное сосуществование со всеми другими народами и оправданной Фихте реальностью войн, в которых одни государства оспаривают это абстрактное право других. В «Энциклопедии философских наук» он определяет состояние войны как *отношение насилия* между государствами различных народов:

Наконец, государство имеет ту сторону, что оно есть непосредственная действительность некоторого *единичного* и *естественно* определенного народа, — завершает философ краткое изложение понятия государства. — Как единичный индивидуум, оно активно *исключает* иные точно такие же индивидуумы. В их *отношениях* друг к другу имеет место произвол и случайность, ибо *всеобщее* права из-за автономной тотальности этих лиц только *должно* быть, не *действительно* есть. Эта независимость доводит спор между ними до отношения насилия, до некоторого *состояния войны* [6, S. 424–425; ср.: 7, с. 364].

Следует, однако, заметить, что понятие войны как отношения насилия, как и само это отношение, отнюдь не просто, поскольку государство, по Гегелю, выступает в состоянии войны как всеобщая власть, правомерно отрицающая особенное благополучие и природную жизнь единичных индивидов ради утверждения политической независимости и духовной свободы народа. Одухотворение столь высокой единой целью с необходимостью вызывает в состоянии войны свободное массовое самопожертвование граждан государства, тем самым побеждающих не только внешнего, но и гораздо более серьезного внутреннего врага — суетность своей конечной обыденной жизни в мирных условиях [см.: 6, S. 425; 7, с. 364].

В «Философии права» мыслитель разъясняет природу этого весьма противоречивого отношения, раскрывая историческую необходимость состояния войны. Народ, достигший в государстве своего непосредственного нравственного единства, представляет собой абсолютную власть на земле, отчего «одно государство в отношении к другому есть, следовательно, в суверенной самостоятельности. Быть как таковое *для другого*, т.е. *быть признанным* им, есть его первое абсолютное оправдание» [8, S. 374; ср.: 9, с. 365]. Однако нравственная самостоятельность народа является безусловной лишь в пределах его государства, но за ними она оказывается проблематичной, так как, втягиваясь в игру различных нравственных сил, в отношения между государствами, его право подвергается случайности. Тем самым в так называемом международном праве оно выступает лишь как относительное — становится столь же правом, сколь и бесправием, в силу чего мир между государствами оказывается только возможностью, или долженствованием, не более чем благим пожеланием, а их спор разрешается действительной борьбой за признание, т.е. посредством войны. Поэтому в состоянии войны государство имеет нравственное право и обязанность требовать от граждан самопожертвования, а они вправе и обязаны жертвовать в ней собственной жизнью и имуществом.

Имеется весьма неверная оценка, — пишет Гегель, — когда при требовании этих жертв государство рассматривается лишь как гражданское общество и его конечной целью считается только *обеспечение жизни и собственности* индивидов, так как это обеспечение не достигается посредством жертвования тем, что должно быть *обеспечено*. Напротив, в указанном требовании заключается нравственный *момент войны*, ибо ее нельзя рассматривать как абсолютное зло и чисто внешнюю случайность, которая может иметь свое, таким образом, само случайное основание в чем угодно — в страстях власть имущих или народов, в несправедливости и т. п., вообще в том, чего не должно быть. С тем, что по природе случайно, случается случайное, и именно эта судьба есть, таким образом, необходимость, — как вообще понятие и философия делают точку зрения чистой случайности исчезнувшей и в этой случайности, как в *видимости*, познают ее сущность, необходимость. *Необходимо*, чтобы конечное, имущество и жизнь, были *положены* как случайное <...>. Эта необходимость с одной стороны имеет вид насилия, совершаемого природой, отчего все конечное смертно и преходяще. Но в нравственной сущности, в государстве, это насилие отнимается от природы и необходимость возвышается до дела свободы, до нравственного [8, S. 368; ср.: 9, с. 360].

Далее Гегель повторяет то, что он писал о нравственном значении войны в одной из своих ранних работ, где утверждал, что она «предохраняет народы от разложения, в которое они погрузились бы вследствие продолжительного или даже вечного мира» [8, S. 368; ср.: 9, с. 360]. Философ указывает, что «*кантовское* представление о *вечном мире* <...> предполагает *согласие* государств, которое покоилось бы на моральных, религиозных или любых иных основаниях и оглядках, вообще всегда на особенной суверенной воле и через то оставалось бы обременено случайностью» [8, S. 375; ср.: 9, с. 366–367], а это не соответствует действительности, поскольку над конфликтующими государствами нет претора, т. е. субъекта высшей власти; между ними могут быть лишь посредники.

Исходя из этого Гегель в понятии мировой истории раскрывает конкретную определенность нравственного момента войны и тем самым преодолевает представление об абстрактной противоположности между разумом и неразумием, приведшее Фихте к апологии войны завоевательной. Мыслитель постигает мировую историю как всеобщий процесс, разрешающий противоречие понятия суверенного государства и реальности этого понятия путем отрицания конечности духа тех особенных народов, которые один за другим вызываются из доисторического небытия на ее арену. Согласно Гегелю, этот процесс отнюдь не является бесцельным, не уходит в дурную бесконечность отрицания. Поскольку всемирно-исторический процесс доходит в своем результате до отрицания этого отрицания, т. е. до *смерти самой смерти* смертной жизни, постольку понятие суверенного государства в финале мировой истории обретает адекватную, соответствующую себе реальность. Благодаря такому концу отрицания конечного достигается истинная, актуальная бесконечность, или абсолютность духа как такового, которая выступает из истории мира в искусстве, религии откровения и, наконец, в философии как науке. Если выразиться на языке Фихте, то это означает, что в итоге мировой истории утверждается истинное государство — действительно непобедимое отечество народа, воспитавшего себя в действительную нацию на основании философской науки.

В отношении государств друг против друга, поскольку они суть в нем как *особенные*, — формулирует этот важнейший пункт Гегель, — гибнет как внешняя случайность,

принимая величайшие размеры явления, крайне подвижная игра внутренней особенности страстей, интересов, целей, талантов и добродетелей, насилия, неправа и пороков, — игра, в которой само нравственное целое, самостоятельность государств, подвергается случайности. Принципы *духа народов* из-за их особенности <...> суть вообще ограниченные принципы, а их судьбы и дела в их отношении друг к другу суть являющаяся диалектика конечности этих духов, из которой *всеобщий дух*, *дух мира* столь же порождает себя как неограниченный, сколь он есть тот, кто в *истории мира* как *мировом суде* исполняет, применяя к ним, свое — а оно есть наивысшее — право [8, S. 378; ср.: 9, с. 369].

В ходе такого суда, по-настоящему страшного тем, что всемирно-исторический процесс продвигают главным образом военные столкновения одного особенного народа с другим, сменяющим его на мировой арене, эти народы, по очереди царствуя в мире, передают от одного к другому эстафету его истории. В «Философии права» Гегель сжато пишет лишь о четырех царствах, уже сыгравших к тому времени свою роль в мировой трагедии [см.: 8, S. 384–387; 9, с. 375–378], а в лекциях по философии истории пространно говорит о *восточном мире*, где господствуют сначала китайцы, а затем индусы и персы, о древнем *греческом мире*, на смену которому приходит *римский мир*, и о новом нордическом принципе *германского мира*, после переселения народов реализованном стараниями итальянцев, испанцев, французов, англосаксов и немцев [см.: 10, с. 159–458]. Для Гегеля нравственный момент, оправдывающий действительную войну, заключается, стало быть, только в том, что она позволяет отстоять суверенитет государства одного всемирно-исторического народа от натиска других народов, предшествующих ему в процессе мировой истории.

Достижения классической немецкой философской мысли, относящиеся к понятию войны и понятию отечества, дают нам возможность определить характер наших отечественных войн 1812 и 1941–1945 гг. и прийти к необходимому заключению об их всемирно-историческом значении.

Поскольку царская Россия и возникший на ее месте СССР отстояли в этих войнах свое суверенное право на дальнейшее самостоятельное развитие в борьбе с наполеоновской Францией и гитлеровской Германией, которые, возглавив соединенные ими силы Европы (за исключением Великобритании и нейтральных стран), напали на нашу страну, постольку обе эти войны следует охарактеризовать как войны оборонительные и потому действительно истинные (одним словом, как сказано в известной песне В. И. Лебедева-Кумача и А. В. Александрова, *священные*, т. е. имеющие сакральное национальное значение), отчего только они носят имя отечественных.

Ради какой же конечной цели народы России и СССР одолели в этих войнах захватчиков? Для чего семьдесят лет назад наши герои спасли свои народы от уничтожения, которое планировали вожди нацистов, и завоевали нам продолжительный мир, если они сделали это не для того, чтобы мы растратили духовный капитал Победы на легковесные развлечения и лишенную всеобщего содержания активность, расточив его в череде праздников и трудовых будней ради себя и своих детей, обреченных на столь же суетную, нисколько не лучшую жизнь? Меньшей посылкой для ответа на эти вопросы является то положение, что дух французского народа в истории мира классическим образом представляет собой ступень рассудка и внутренней политической организации, на внешнюю военную мощь которой

надеялся Наполеон. Большой посылкой — то положение, что немецкий дух народа благодаря лютеровской Реформации представляет собой высшую историческую ступень развития религиозного представления, выраженного в девизе «Gott mit uns» на пряжках поясных ремней солдат вермахта, который до нападения на нас не знал поражений. Формулируя вывод из этих посылок, требуется учесть, кроме того, что навязываемая нам последние двадцать пять лет в качестве образца приземленная прагматическая мудрость англосаксов, которую не смогли облагородить их выдающиеся художественные таланты, ныне терпит явное фиаско не только на своей исторической родине, но и в США. Отсюда по необходимости следует заключение, что, победив в своих отечественных войнах, русский народ вместе с другими народами, населявшими и населяющими Россию, отрицательным способом сохранили то, что вслед за Гегелем можно по праву назвать пятым царством, т. е. *русским миром*, причем они спасли этот мир ради положительного решения той практической-педагогической задачи, которую Фихте в «Речах к немецкой нации» по ошибке выставил перед немецким народом, оказавшимся более восприимчивым к тому, что говорил Гитлер, чем к речам Фихте и учению Гегеля. Эта насущная задача заключается в том, что именно русскому народу предстоит первым обрести свое *отечество*, т. е. подняться на вершину мировой культуры, образовав свой национальный дух на логическом основании понятия философии, а по его примеру в свои сроки то же самое (разумеется, каждый по-своему) смогут сделать все другие народы России и мира. Теоретические предпосылки для положительного решения этой всемирно-исторической задачи были созданы классической философией вообще и особенно классической немецкой философией, поэтому не подлежит сомнению, что положительному решению этой задачи обязаны содействовать прежде всего деятели отечественной философской культуры. В противном случае нам останется только вспоминать подвиги наших предков и ежегодно поминать священные жертвы Великой Отечественной войны, но никогда не станет действительностью вполне реальная возможность и необходимость искупить свою нравственную задолженность перед ними, свободно отдав победителям, которые обеспечили нам потенциально бессмертную жизнь, наш исторический долг.

Литература

1. Кант И. К вечному миру. Философский проект // Кант И. Собр. соч.: в 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 7. С. 5–56.
2. Fichte J. G. Grundzüge des gegenwärtigen Zeitalters // Fichte J. G. Werke in zwei Bänden. Bd. II / Hrsg. von Peter Lothar Oesterreich. Frankfurt am Main: Deutscher Klassiker Verlag, 1997. S. 67–328.
3. Фихте И. Г. Основные черты современной эпохи // Фихте И. Г. Соч. СПб.: Наука, 2008. С. 398–596.
4. Fichte J. G. Reden an die deutsche Nation // Fichte J. G. Werke in zwei Bänden. Bd. II / Hrsg. von Peter Lothar Oesterreich. Frankfurt am Main: Deutscher Klassiker Verlag, 1997. S. 539–788.
5. Фихте И. Г. Речи к немецкой нации / пер. с нем. А. А. Иваненко. СПб.: Наука, 2009. 349 с.
6. Hegel G. W. F. Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse (1830) / Neu hrsgb. von F. Nicolai und O. Pöggeler. Berlin: Akademie Verlag, 1975. 506 S.
7. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1977. Т. 3. 471 с.
8. Hegel G. W. F. Grundlinien der Philosophie des Rechts oder Naturrecht und Staatswissenschaft im Grundrisse / Nach der Ausgabe von E. Gans, hrsgb. von H. Klenner. Berlin: Akademie Verlag, 1981. 645 S.
9. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
10. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. 479 с.

Для цитирования: Муравьев А. Н. К философско-правовому понятию отечественной войны // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. Вып. 3. С. 39–46. DOI: 10.21638/11701/spbu17.2016.305

References

1. Kant I. K vechnomu miru. Filosofskii proekt [On eternal peace. The philosophical project]. *Kant I. Sobr. soch.: v 8 t. T. 7* [Kant I. Coll. Op. 8 v. Vol. 7]. Moscow, Choro Publ., 1994, pp. 5–56. (In Russian)
2. Fichte J. G. Grundzüge des gegenwärtigen Zeitalters. *Fichte J. G. Werke in zwei Bänden. Bd. II*. Hrsg. von Peter Lothar Oesterreich. Frankfurt am Main, Deutscher Klassiker Verlag, 1997, S. 67–328.
3. Fikhte I. G. Osnovnye cherty sovremennoi epokhi [The main features of the modern era]. *Fikhte I. G. Soch. [Fichte J. G. Opera]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2008, pp. 398–596. (In Russian)
4. Fichte J. G. Reden an die deutsche Nation. *Fichte J. G. Werke in zwei Bänden. Bd. II*. Hrsg. von Peter Lothar Oesterreich. Frankfurt am Main, Deutscher Klassiker Verlag, 1997. S. 539–788.
5. Fikhte I. G. *Rech'i k nemetskoi natsii* [Speech to the German nation]. Transl. by A. A. Iwanenko. St. Petersburg: Nauka Publ., 2009. 349 p. (In Russian)
6. Hegel G. W. F. *Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse (1830)*. Neu hrsgb. von F. Nicolin und O. Pöggeler. Berlin, Akademie Verlag, 1975. 506 S.
7. Gegel' G. V. F. *Entsiklopediia filosofskikh nauk. T. 3* [Encyclopedia of philosophical sciences. Vol. 3]. Moscow: Mysl Publ., 1977. 471 p. (In Russian)
8. Hegel G. W. F. *Grundlinien der Philosophie des Rechts oder Naturrecht und Staatswissenschaft im Grundrisse*. Nach der Ausgabe von E. Gans hrsgb. von H. Klenner. Berlin, Akademie Verlag, 1981. 645 S.
9. Gegel' G. V. F. *Filosofiia prava* [Philosophy of law]. Moscow: Mysl Publ., 1990. 524 p. (In Russian)
10. Gegel' G. V. F. *Leksii po filosofii istorii* [Lectures on the philosophy of history]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1993. 479 p. (In Russian)

For citation: Muravyov A. N. Towards the concept of patriotic war as the concept of the philosophy of law. *Vestnik of Saint Petersburg University. Ser. 17. Philosophy. Conflict studies. Culture studies. Religious studies*, 2016, issue 3, pp. 39–46. DOI: 10.21638/11701/spbu17.2016.305

Статья поступила в редакцию 26 июня 2015 г.